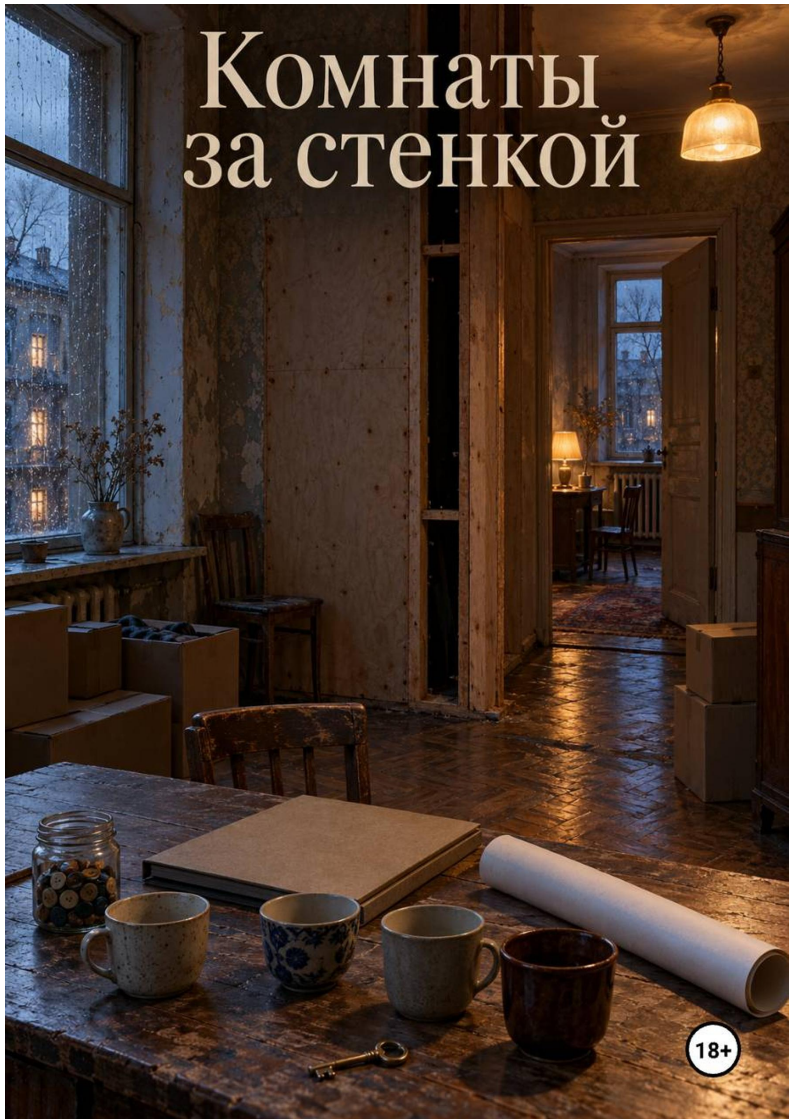

Комнаты за стенкой

18+

Рен Вольский

Комнаты за стенкой

<https://litres.ru/74698764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть из тридцати глав о расселении квартиры в бывшем доме городской администрации. В начале риэлтор и Сергей Лапин приходят на осмотр, а родственники сразу начинают делить кабинет Алексея Петровича и другие комнаты. Семейный совет без отца, ограниченная сумма сделки, спор о справедливой доле и скрытые долги Виктора усиливают конфликт. Старая папка и письмо показывают, что квартира предназначалась семье, хотя юридические документы в предложенной версии закрепляют право собственности за Алексеем и Ниной; это различие между законом и моральным долгом становится центральным. Нина постепенно выходит из многолетнего молчания и требует учитывать не только желания детей, но и её право на тишину. Алексей соглашается на продажу, лишь добившись гарантии полноценного отдельного жилья. После ночи в пустующем кабинете Сергей решает за собственный счёт улучшить условия супругов, не превращая помощь в публичную милость.

Содержание

Осмотр	4
За тонкой стенкой	12
Свободная комната	21
Совет без отца	31
Ограниченная сумма	40
Первый скандал	53
Две комнаты	64
Деньги Виктора	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Рен Вольский

Комнаты за стенкой

Осмотр

Глава 1. Осмотр

Риэлтор сняла туфли у двери, потому что в прихожей уже не осталось места для обуви. Между шкафом и старой вешалкой стояли детские сапоги с присохшим песком на рантах, мужские ботинки с развязанными шнурками, тапочки Нины Сергеевны и картонная коробка с надписью «зимнее», выведенной маркером поверх старой надписи «посуда». Угол коробки выпирал в проход. Перенеся вес на одну ногу, риэлтор обогнула её бедром, и шов юбки коротко тренькнул.

— Тут всегда так? — спросила она в пустоту коридора.

Алексей Петрович сидел в своём бывшем кабинете у окна и считал.

Семь шагов от двери до плиты. Девять от плиты до кухонного окна, если идти не задевая табуретку. Эти числа держались в нём так же, как длина пролёта между четвёртым и пятым цехом, и ими он обмерял всякого, кто входил в квар-

тиру. У риэлтора вышло шесть шагов и остановка — короткий шаг, значит, пойдёт по квартире медленно, будет трогать стены.

Над его головой висела фотография завода: длинный корпус, две трубы, люди в первом ряду в одинаковых пиджаках. Под фотографией лежала табличка с его именем, привезённая с торжественного собрания. В углублениях букв скопился серый налёт на латуни.

Перегородка между кабинетом и большой комнатой была собрана из двух листов фанеры на деревянном каркасе. Ставил он её сам: дрель грелась, стружка сыпалась в ботинок. За этой фанерой голоса не глохли, а делались только тише и отчётливее — мембрана, а не стена.

— Четыре двадцать на три десять, — сказал мужской голос. Голос чужой, спокойный, из тех, что не поднимаются выше нужного. — Окно на юг.

— Это зал, — ответила Ирина. — Тут мы телевизор держим.

— Полы скрипят у двери. Лаги.

Шаг. Ещё шаг. Половица у порога большой комнаты прогнулась под чужим весом и щёлкнула прежним хозяйским щелчком, выученным за двадцать лет.

Нина Сергеевна убрала с кухонного стола хлебницу, чтобы освободить место, хотя никто не просил. Руки у неё знали эту работу без неё. Столешница протёрта, тряпка повешена на край мойки, и сама она отступила к холодильнику. Оттуда

её не было видно из коридора.

— А тут что? — Голос риэлтора встал прямо у фанеры.

— Ну это так, — сказала Ирина. — Отгородили когда-то. Папа тут сидит.

— Сколько метров?

— Девять. Или десять. Там же окно есть, полноценное.

— Значит, отдельная комната фактически. — Пауза. Шелест бумаги. — Мне это нужно в описи как комнату. Так площадь считается, а не ощущение.

— Считайте как хотите, — сказала Ольга. — Всё равно пустая стоит.

В кабинете было тихо. Алексей Петрович вцепился обеими ладонями в край подоконника. Краска шелушилась, и один лепесток отошёл у него под ногтем. Этот лепесток он и разглядывал: белый сверху, под ним второй слой, голубой, под голубым дерево цвета хлебной корки. Три слоя. Три ремонта. Голубой слой появился в год, когда кабинет пах олифой; белый — неизвестно когда.

В висках пошёл пульс пятого этажа: высокий, быстрый, без остановки.

— Я вот о чём, — продолжала Ирина, и голос её стал ровнее, деловитее, тот самый голос, каким она в аптеке объясняет, что аналог дешевле. — Если мы делим, то надо по-честному. У меня дочь, у дочери двое. Мы четверо в одной комнате. Четверо. Кровать стоит у шкафа, и чтобы шкаф открыть, надо кровать откатить.

— А я с сыном где живу, в кино? — сказала Ольга.

— Твой сын уже взрослый мужик.

— Спит на кухне, на раскладушке. Утром я её складываю и ставлю к батарее.

Чайник на плите начал подвывать. Нина Сергеевна сняла его раньше, чем он закричал, и поставила на деревянную дощечку. Донышко зашипело, впечаталось в дерево. Ладонь она подержала над паром дольше, чем нужно, и убрала.

— Девочки. — Блокнот у риэлтора зашелестел, страница легла на страницу. — Давайте я скажу, как это выглядит со стороны покупателя. Три комнаты и выгородка. Прописаны шесть человек, живут больше. Чтобы Сергей Юрьевич вообще стал считать, нужна схема, кто куда уходит. Иначе это не объект, это спор.

— Схема простая, — сказала риэлтор. — Супругам оставляем маленькую комнату, ту, что во двор. А кабинет — Ирине. Четыре человека, им метры нужнее.

— Кабинет Ирине, — повторила Ирина за ней, и повторила так, будто читала свою фамилию в чужой описи, в готовой графе. — Да. Кабинет Ирине.

— Тогда покупателю будет проще договориться со всеми. Лепесток краски оторвался от рамы и лёг на газету. Подоконник отпустил ладони с лёгким присасывающим звуком.

Колено подвело на половине движения. Спинка стула вошла в руку, холодная, лаком залитая, и две секунды держала весь вес. Синеватые жилы под кожей тикали вразнобой —

не возраст, другое. Дверь кабинета, разбухшая от сырости, подалась только со второго толчка плечом, и толчок отдался в лопатку.

В коридоре стояли четверо. Риэлтор без туфель, в чулках, на пол ладони ниже, чем была в прихожей. Ирина у вешалки, руки сложены под грудью. Ольга в проёме кухни, одна нога за порогом. И мужчина лет сорока с небольшим, в серой куртке, с телефоном в опущенной руке — у перегородки, глазами не на людей, а на стык фанеры и потолка.

— Кому это оставить? — сказал Алексей Петрович.

Все звуки в квартире встали на место: капель из смесителя, лифт за стеной, голос из телевизора у соседей.

— Алексей Петрович, здравствуйте. — Папка под пальцами риэлтора выровнялась. — Мы ничего не решаем, мы смотрим.

— Вы смотрите мою квартиру и говорите, в какой комнате я буду доживать. Кто вам разрешил?

— Пап, не начинай, — сказала Ирина.

— Я не начинаю. Я спрашиваю. — Поворот к ней вышел медленным, шея ответила тупой болью от третьего позвонка вниз. — Ты стояла у этой стенки и говорила про мой кабинет. Я сидел с другой стороны. Два листа фанеры, Ира. Два листа общей толщиной четыре миллиметра. Ты это понимала?

Подбородок у Ирины пошёл вверх. На шее, под воротником кофты, часто дёргалась жилка.

— Я слышала тебя за стенкой.

Телефон ушёл в карман серой куртки. Половица щёлкнула под шагнувшим вперёд мужчиной.

— Лапин, Сергей. — Руку он подал первым, и эту руку Алексей Петрович принял, потому что руку подавали, а не комнату отбирали. Ладонь сухая, мозоль под указательным — руль или инструмент. — Я покупатель. Возможный.

— Возможный.

— Я вашу квартиру смотрю первый раз. — Голос Лапин держал низко и ровно, укладывая его в полтора метра коридора. — И первый раз слышу, кому что отдают. Это не моя схема.

— Но вам она удобна.

Молчание растянулось на три капли из смесителя. Над плечом Лапина, в проёме кухни, Нина Сергеевна протирала уже протёртый стол, и тряпка шла по одному и тому же кругу.

— Мне удобна квартира целиком, — сказал он. — Целиком её можно купить, только если все жильцы заранее согласны, куда переезжают. Все. Не трое из шести. Это не моя доброта, Алексей Петрович, это условие сделки. Без вашей подписи я не куплю ничего.

— Вот и не купите.

— Пап. — Ольга переступила порог и встала рядом с сестрой, хотя секунду назад они делили ту самую раскладушку.

— Я не продаю квартиру. — Голос вышел ровным, без нажима, и от этой ровности у Ирины дрогнули плечи. — Ни

целиком, ни комнатами. Ни сегодня, ни в следующую пятницу, когда вы снова приведёте мне в коридор людей в чулках.

Риэлтор заговорила про рынок, про то, что дом поставят в программу, что потом условия будут хуже. Слова шли мимо, сухим шелестом, остывающей радиопомехой. Коробка «зимнее» выпирала углом в прихожей, дно у неё размокло и темнело полосой. От коробки до двери кабинета — одиннадцать шагов. Все одиннадцать сегодня прошли без него.

— Алексей Петрович, — сказал Лапин, — я вас услышал.

— Хорошо.

— Я приду ещё раз. С оценкой. — Кепку он снял с вешалки, но на голову не надел, держал в руке, мял козырёк. — И прошу об одном. Соберитесь всей семьёй и поговорите между собой. Один раз, без меня и без риэлтора. Вы сейчас торгуетесь не со мной.

Обувался он в прихожей на одной ноге, придерживаясь за ту самую коробку; картон подался, что-то внутри сместилось с мягким стуком. Риэлтор разыскивала свои туфли и выудила их из-под детских сапог, стряхнула с каблука налипший песок. Дверь закрылась. Лифт пошёл вниз, тросы загудели в шахте, и гул ушёл в пол, в тапки, в кости стоп.

Никто не разошёлся.

В кабинете он сел и дверь за собой не закрыл: створку надо тянуть на себя плечом, а плеча на это уже не хватало. Фотография завода висела криво — на миллиметр, не больше, и этот миллиметр теперь стоял перед глазами первым.

За фанерой снова налили воды в чайник.

— Девять метров, — сказала Ирина тихо. — Девять метров под фотографию и табличку.

— Ты при нём это сказала.

— А когда говорить? Он там сидит с девяносто какого года.

— Ир.

— Ему семьдесят восемь. — Шорох отодвигаемой табуретки. — Я не про плохое. Я про то, что он один решать не сможет. Надо нам сначала между собой, а потом уже с ним. Витьку позови.

— Он с рейса в восемь.

— Значит, в восемь.

Две чашки встали перед ними, третью Нина Сергеевна себе не взяла. Она опустилась на край табуретки у холодильника, в то место, которого из коридора не видно, и сложила руки на коленях. Мотор холодильника дрогнул и пошёл работать ей в спину.

За тонкой стенкой считали шаги.

За тонкой стенкой

Глава 2. За тонкой стенкой

Обувь в прихожей стояла так, как её оставили: детские сапоги носками в стену, мужские ботинки врозь, один завалился на бок. Нина Сергеевна опустилась на корточки у шкафа, и колени отозвались двумя короткими щелчками, левое громче.

Сапоги — на нижнюю полку. Песок с рантов ссыпался в ладонь, сухой, с мелкими камешками. От ботинок Виктора тянуло бензином и резиновым ковриком; ближе к двери их нельзя — всякий входящий зацепится за торчащее голенище. Шнурки прошли в язычки. Сорок лет Нина затягивала их одним и тем же узлом.

Коробка «зимнее» села дном в натаявшее с чужих туфель, картон размок и стал хлебным мякишем. Одной рукой не поднять — две руки заняла целиком, и угол ушёл в живот под рёбра. На шкаф не поставить: высоко. Под вешалку — там зимняя обувь. Коробка вернулась на прежнее место, только повернутая другим боком.

Тряпка нашлась в мойке. Пол вокруг — насухо, вода из тряпки — серая от песка.

За фанерой Ирина включила телевизор и тут же убавила.
— Четыре двадцать на три десять, — донеслось оттуда её голосом.

— По документам, — сказала Ольга.

Тряпка легла на край мойки, расправленная вдоль. С кухни голоса шли яснее, чем из коридора: фанера отдавала их вверх, под потолок, и оттуда они падали на плитку, на кастрюли, на шею сзади.

Зал. Там стоит их стенка с посудой, туда через зал ходят все, кто идёт в кабинет и в маленькую. Двадцать лет Алексей проходит по залу мимо телевизора, и всякий раз кто-то убирает ноги с пути.

Чайник ещё хранил тепло от прошлого раза. Воды до второй заклёпки, конфорка на средний. Газ занялся с третьего щелчка.

— Мам, иди к нам, — позвала Ольга.

— Я тут.

Шага в проём не вышло. Между холодильником и столом ровно столько места, чтобы стоять, и это место стало её с тех пор, как кухню заняли всерьёз: сначала Виктор с бумагами, потом раскладушка Ольгиного сына, которую складывают и ставят к батарее.

— Я к чему веду. — Голос Ирины приблизился к стенке.
— Нас четверо. Я, Катя, два пацана. Один спит с Катей, второй — у шкафа, в кроватке. Чтобы шкаф открыть, кроватку надо откатить, а она со спящим ребёнком. Это не жалоба.

Это каждый вечер.

— Я поняла.

— Ничего ты не поняла. У тебя Сашка один и ему двадцать два.

— Он на раскладушке, Ира. На кухне. Утром я её складываю, ставлю к батарее, протираю стол, потому что он на этом стол пьёт чай. Двенадцать лет. Я тоже отдельного не видела никогда.

— У тебя один.

— У меня один и у меня ни метра.

Ладонь легла на чайник сбоку, где эмаль была ещё тёплой, и держалась, пока тепло не стало горячим.

— Девочки.

Нина сказала это из кухни, в проём. Голос вышел тише, чем нужно: она привыкла не перекрывать чужих.

— Кабинет нужен отцу.

Пауза вышла короткая, в один шаг Ирины по скрипнувшей половице.

— Мам, никто не говорит, что не нужен.

— Ты вчера говорила про девять метров.

— Я говорила, что девять метров — это комната. По документам комната. — Шелест: страница, или бумажный пакет из аптеки, Ирина всегда держит в сумке пакеты. — Если её считать как комнату, объект дороже. Это нам выгодно. Всем выгодно.

— Выгодно.

— Мам.

Вода в чайнике пошла первым звуком, низким.

— Он там с девяносто третьего, — сказала Нина Сергеевна. — У него там фотография.

— Фотографию можно повесить где угодно.

Кран открылся и закрылся сразу. Чашка, сполоснутая минуту назад, прополоскалась второй раз.

В зале заговорили заново, и уже о другом.

— Стенку всё равно не повезут, — сказала Ольга. — Она не разбирается, ей сто лет.

— Стенку на свалку. Там только посуда нужная, сервиз бабушкин.

— Сервиз.

— Я про то, что стенка метр с лишним по стене жрёт. Если её убрать, тут диван встаёт свободно.

— Какой диван, Ир, тут папина стенка.

— Я говорю: если убрать.

Шаги. Стук костяшками по дверце — так пробуют, пустая полка или нет. В левой нижней дверце стенки стояли зимние банки, в правой лежали скатерти, которые не стелют, потому что стол всегда занят; её собственные руки перекладывали их в прошлом октябре, и сгиб на верхней лёг тогда наискось.

— А кровать родителей куда?

— Кровать разбирается. Там болты.

Болты крутил Алексей в год, когда привезли. Одного с тех пор нет, вместо него шуруп, и угол качается, если лечь резко.

Чайник закричал. Снять его успела раньше крика — и всё равно крик прошёл сквозь зубы, сквозь кость за ухом, выше к виску. Дощечка приняла донышко с шипением. Пар встал в лицо и лёг на щёки плёнкой.

Три чашки на стол. Четвёртая подержалась в руке и ушла назад в шкаф, на своё кольцо пыли.

В проёме стояла Ольга.

— Мам, ты чего тут одна.

— Чай.

— Я и говорю, иди к нам.

— Мне тут удобнее.

— Тут даже стула нет нормального. Табуретка одна.

— Мне хватает.

Две чашки Ольга унесла. Третья осталась на столе, а Нина Сергеевна села на табуретку у холодильника. Мотор включился и пошёл работать в спину, в левую лопатку, мелко, ровно; к этому привыкают за неделю и уже не отвыкают.

Фанера напротив. От табуретки до фанеры метр двадцать. По ту сторону, чуть левее, стоит его кресло — это она знала по звуку, по тому, откуда ночью идёт кашель. Тогда рука ложится на фанеру: рукой слышно лучше, чем ухом.

— Значит, так, — сказала Ирина за стенкой. — Я две. Кабинет и зал, или новая квартира на четверых. Ольге — на двоих. Витьке деньгами, он сам просил.

— С чего это я на двоих, а ты на четверых получаешь большую.

— Потому что нас четверо, Оля. Это арифметика, не подлость.

— Арифметика. У тебя всегда арифметика, когда тебе надо.

Замок в прихожей щёлкнул. Виктор принёс с собой уличный холод и бензин, стянул один ботинок и остался в нём, боком, на полшага от порога — поза человека, который не собирался оставаться.

— Ну? — сказал он от двери. — Чего тут было.

— Было, — сказала Ирина. — Папа всем отказал.

— Отказал.

— При риэлторе и при покупателе. Сказал: не продаю, ни целиком, ни комнатами.

Половица у порога щёлкнула под Виктором дважды. В кухню он заглянул на ходу.

— Мать, чай есть?

— Есть.

Налил сам, выпил стоя у стола, двумя глотками, и ушёл обратно. Чашка осталась рядом с её чашкой. На дне кружок заварки.

— Так, — донеслось из зала. — А покупатель что.

— Покупатель сказал: нужна схема. Кто куда уходит. Все шестеро.

— Все шестеро.

— Он так сказал. Без подписи отца он ничего не купит.

Пауза. Телевизор убрали совсем, и в эту тишину вошёл

сверху долгий скрежет: соседи волокли по полу что-то тяжёлое, и звук шёл не из потолка, а из зубов.

Чашка Виктора встала в мойку. Вода пошла тонкой струёй, чтобы не шумела, и заварка поползла по стенке коричневыми точками, собралась у трещины, остановилась.

Пора было сказать.

Сказать надо было так: подождите. Не сегодня и не вчетвером. Отец сидит за фанерой и слышит всё, что вы говорите, слышит про стенку, про болты, про девять метров; и я сижу за той же фанерой и тоже всё слышу, двадцать лет слышу, и утром, и ночью, и когда у вас гости, и когда вы ругаетесь, и мне негде не слышать.

Она вытерла руки о полотенце на дверце и вышла в проём.

— Дети.

Три лица повернулись к ней. У Ирины на шее под воротником дёргалась жилка. Ольга сидела на подлокотнике. Виктор стоял в одном ботинке и смотрел в телефон.

— Не надо сейчас, — сказала она. — Давайте все вместе потом. Когда отец выйдет.

Ирина кивнула первой.

— Конечно, мам. Все вместе.

— Я прошу.

— Мы и говорим: все вместе. Мы же не решаем. Мы прикидываем.

— Хорошо.

Она постояла ещё, держась за наличник. Пальцы нашли

место, где краска стёрта до дерева — там, где держатся все, кто входит.

— Чайник свежий, — сказала она и вернулась на кухню.

На табуретку она села не сразу. Сначала протёрла стол. Потом сняла с полки хлебницу и поставила обратно.

— Ладно, — сказал Виктор за фанерой негромко. — Я вот что думаю. Нам сначала между собой надо. Втроём.

— Без папы? — спросила Ольга.

— С папой — это сразу крик и всё. Он один не решит, вы же видели. Ему семьдесят восемь. Мы сначала между собой договоримся, чтобы одну бумажку ему принести, а не три.

— А мама?

Тишина заняла две капли из смесителя.

— Мать с ним, — сказал Виктор. — Мать как он скажет. Она сама сейчас сказала: все вместе. Значит, не против.

— Она сказала потом.

— Она сказала: все вместе потом. Мы потом и придём. Все вместе. С готовым.

— В пятницу тогда, — сказала Ирина. — У меня смена до четырёх.

— В пятницу.

Нина Сергеевна сидела на табуретке между холодильником и столом. Мотор работал ей в лопатку. Перед ней на столе стояла чашка, которую она себе налила, и чай в ней был ещё горячий, и пар шёл ровно вверх, не сворачивая, потому что на кухне не было никакого сквозняка — окно заклеено

с октября, и заклеивала она сама.

На другой стороне фанеры, в метре двадцати от неё, скрипнуло кресло. Один раз, коротко.

Она положила ладонь на стенку.

Свободная комната

Глава 3. Свободная комната

Звонок вошёл в квартиру длинный, на две секунды дольше нужного: кнопку не отпускали, пока звонок не отозвался.

Открыла Ирина. С лестницы потянуло сыростью и цементом — на четвёртом кто-то третий месяц ломал стены, и пыль оседала на перилах мелким серым войлоком.

— Я ненадолго, — сказал Лапин. Папка у него была под рукой, тонкая, с загнутым углом. — С оценкой.

Куртка пошла на крюк, с которого съехала чужая сумка; сумку он поднял сам и надел обратно, поправив ремень так, чтобы тот не тёрся о чужой воротник. Ботинки остались у коробки «зимнее», расшнурованные до конца, шнурки заправлены внутрь.

— Папа дома, — сказала Ирина. — Он там.

— Я знаю.

До двери кабинета от коробки одиннадцать шагов. Лапин прошёл их семью.

— Алексей Петрович. Лапин. Я вчера обещал оценку, оценка есть. Мне нужно посмотреть вашу комнату изнутри. Пятнадцать минут, с рулеткой.

Из-за створки — ничего. Створка стояла прикрытой, но не до конца: щель в палец, и в щели темнела полоса обоев, вытертая до картона на высоте плеча.

Половица у порога прогнулась под весом гостя и щёлкнула.

Щель закрылась. Изнутри створку дёрнули за ручку, раз, другой — дерево разбухло и шло туго, — потом надавили плечом, и дверь встала в раму с глухим деревянным звуком. Повернулся язычок. В ладонь, прижатую к створке снаружи, толкнуло воздухом из щели, тёплым, с запахом бумажного клея.

— Пап, — сказала Ирина в створку. — Ну это же смешно.

— Ирина. — Лапин отступил от двери на полшага. — Не надо.

В зале на столе легли три листа. Ольга пришла из кухни с полотенцем на плече и села на подлокотник, подобрав под себя край халата. Виктор был уже здесь, с рейса, в куртке, и куртку не снимал. До этой минуты он сказал четыре слова, и все — про сумму.

— Вот оценка, — сказал Лапин, и ладонь легла на первый лист. — Объект целиком, девять миллионов двести, рублями, в первой строке. Второй лист — три варианта расселения, которые в эти девять двести влезают: первый — Ирине двухкомнатная, Ольге отдельные, Виктору деньгами; второй — Ирине трёхкомнатная, но тогда Ольге смежные и Виктору на четыреста меньше; третий — всем деньгами, жильё

ищите сами. Третий лист — что не влезает ни в один вариант.

Третий лист был короче первых двух. В нём стояла одна строка: отдельная квартира для Алексея Петровича и Нины Сергеевны в этом районе, с этой школой под окнами. Миллион двести не хватало.

Ирина читала, ведя пальцем, и палец останавливался.

— Это что, — сказала она. — Это мне что, однушка.

— Двухкомнатная, тридцать девять. На четверых.

— У меня дочь и два пацана. Мы вчетвером в одной сейчас. Я прошу две комнаты. Не три, не четыре. Две.

— Тридцать девять — это и есть две.

— Там кухня шесть метров.

— Да.

Полотенце съехало у Ольги с плеча. Она подхватила его и перекинула обратно, и ткань оставила на коже влажную полосу.

— А я, — сказала она. — Я тут где.

— Вы и ваш сын — тридцать два, с отдельными комнатами. Или тридцать шесть, но смежные.

— Раздельные.

— Тогда тридцать два.

— Почему у неё тридцать девять, а у меня тридцать два?

— Потому что вас двое, а их четверо.

— Я двенадцать лет сплю в комнате, где он утром сворачивает раскладушку, — сказала Ольга, и слова пошли быстрее, короче, одно к одному. — Двенадцать. Я на кухне стол

протираю, потому что он там чай пьёт. Я тоже не меньше нуждаюсь. Не делайте из меня ту, которой хватит.

— Я не делаю. Я считаю метры.

Куртка Виктора сошла с плеч одним движением и легла на стенку, на полированную крышку. Под ней на лаке вышло пятно, серое по краям, медленно сходящее к середине.

— Общая сумма какая, — сказал он.

Все листы были перед ним. Он на них не смотрел.

— Общая написана в первой строке.

— Я спрашиваю, сколько живыми.

— Витя.

— Что «Витя». Ир, ты свои тридцать девять выторгуешь, Оля свои тридцать два, а мне что, стены на память? Мне деньгами. Я спросил про сумму.

— Деньгами выходит два миллиона восемьсот, рублями, — сказал Лапин. — Если без вашей доли жилья. Возьмёте жильё — две четыреста из суммы уйдут в метры, на руки останется четыреста.

Цифра легла на стол и полежала. Сверху, у соседей, пошла вода в трубе — долгим низким ходом вдоль стены, от потолка к полу, и стихла в районе плинтуса.

— Это на окраине двушка, — сказал Виктор. — Без ремонта.

— Да.

— Понятно.

— Вам этого не хватит? — спросил Лапин.

Куртка вернулась со стенки на плечо, один рукав надет, второй повис.

— Хватит. Я уточнял.

Фанера за спинами держала всё: слова, стул, воду в трубе. В кабинете скрипнуло кресло — один раз, коротко, и сквозь перегородку этот скрип прошёл в лопатку сидящей Ольги.

Лапин повернулся к фанере и говорил уже туда, не меняя громкости, но выбрав направление.

— Я скажу один раз, чтобы потом никто не спрашивал. Я покупаю квартиру целиком или не покупаю. Целиком — это когда у меня на руках ваш порядок расселения, подписанный всеми, кто здесь живёт, с адресами и сроками. Не согласие собственника. Порядок. Семь взрослых, семь строк, семь подписей; за малолетних подписывает мать.

— Собственник папа, — сказала Ирина.

— Я видел выписку. Собственник — Алексей Петрович и Нина Сергеевна.

— Значит, двух подписей достаточно.

— Юридически — может быть. — Первый лист сложился пополам под его пальцами, сгиб прошёл ногтем дважды. — Практически я не выношу людей из дома судебным порядком. Я этим не занимаюсь и заниматься не буду. Если из семи строк одна пустая, я разворачиваюсь и ищу другой объект. Их в этом доме восемь.

Замок повернулся. Дверь кабинета пошла наружу рывком, на втором толчке, и в коридор ступил Алексей Петрович —

рукава рубашки закатаны, на правом предплечье серая полоса пыли от полки.

— Восемь, — сказал он.

— Восемь, Алексей Петрович.

— Так идите в восемь.

— Могу.

— Идите. — Шаг был один, и половица щёлкнула под ним тем же щелчком, что под гостем. — Вы же не стены покупаете. Стены вам тут в любом подъезде продадут, дом один, проект один, у Семёновых планировка моя до сантиметра. Вам нужно, чтобы семь человек подписали семь строк и сели тихо, где напишут. Вот это вы покупаете. Покорность. С подписью.

— Пап.

— Не мешай. — Голова в сторону Ирины не повернулась. — Пятнадцать минут с рулеткой. Я тридцать лет мерил цеха. Я знаю, зачем приходят с рулеткой: не посмотреть, а поставить в опись. Девять метров, окно, фактически комната. Ира уже сказала. Я слышал.

Жилка под воротником у Ирины дёрнулась дважды.

— Я ничего не говорила про опись.

— Ты говорила: объект дороже.

— И что, неправда?

В проёме кухни стояла Нина Сергеевна, с тряпкой в опущенной руке; тряпка подтекала, и на линолеуме под ней собралась точка.

Папка ушла гостю под руку.

— Я никого не выгоняю, — сказал Лапин. — Я не могу платить за торг без конца. Это разные вещи, и вы их складываете в одну. Мне нужна ясность: да или нет, и если да — то кто куда. Пока мне говорят семь разных «да». Это «нет», просто произнесённое вежливо.

— Моё «нет» произнесено невежливо, — сказал Алексей Петрович. — Чтобы не перепутали.

— Я не перепутал. — Кепка снялась с вешалки, крючок качнулся без неё. — И в кабинет я больше не постучу. В закрытую дверь я не стучу вообще.

У коробки он обувался, придерживаясь за неё ладонью; картон поддался, внутри что-то сместилось с мягким стуком. Дверь закрылась. Лифт пошёл вниз, тросы загудели в шахте, и гул ушёл в пол, в тапки, в кости стоп.

Кабинет принял хозяина обратно. Дверь села в раму, язычок повернулся, и после этого в коридоре стало слышно, как с той стороны тащат по полу — короткими рывками, по полметра, с остановками на дыхание. Стул. Потом второй предмет, тяжелее, с прочерком по доскам, до самой двери.

Полоса пыли на предплечье к ночи сотрётся об рубашку, а рубашку надо будет стирать, и стирать будет она.

— Он там подпёр, — сказала Ольга.

— Он там подпёр, — повторила Ирина.

Точка на линолеуме исчезла под тряпкой. Тряпка пошла по кругу, второй раз по тому же месту.

Виктор снова снял куртку и положил её не на стенку, а на спинку стула. Брезент осел, сохранив форму плеч.

— Ладно, — сказал он, и это было первое его слово не про деньги за весь вечер. — Теперь по-другому.

— Что по-другому?

— Лапин правильно сказал. Семь строк. Семь подписей. — Стул скрипнул под ним, и к себе придвинулся третий лист, короткий. — Значит, сначала пишем свои три строки. Втроём. Ир, ты своё тридцать девять. Оля, тридцать два, раздельные. Я деньгами. Потом эти три строки показываем Лапину, он смотрит, влезает или нет. Если влезает — приходим к отцу с одной бумагой.

— А отец?

— Отец четвёртая строка, мать пятая. Катя шестая, за себя и за пацанов, они малолетние, за них подписывает она. Сашка седьмая, за себя, он взрослый.

— Я спрашиваю, когда отец будет это видеть.

— Когда будет готово. — В подкладке куртки нашлась ручка, колпачок щёлкнул дважды. — Ты видела, как это с ним работает. Он выходит и говорит «нет», и всё. Он один не решит, ему семьдесят восемь. С ним надо с готовым. Одну бумажку принести, а не три.

— В пятницу я говорила.

— Пятница и есть. У тебя смена до четырёх.

— До четырёх.

— Значит, в пятницу в пять. Втроём. Здесь не надо, у ме-

ня в машине поговорим или у тебя.

— У меня четверо дома.

— Значит, у Оли.

— У меня Сашка, — сказала Ольга. — Но он до девяти на работе.

— Значит, у Оли до девяти.

Ручка вывела на коротком листе три слова и дважды прошла под ними черту, во второй раз сильнее, так что бумага продавилась.

Из кухни видно было только угол стола и кисть Виктора на бумаге, костяшки в движении. Тряпка легла на край мойки, расправленная вдоль, и с её кромки упало на дно капля, потом вторая.

В пятницу в пять за этой фанерой будет сидеть один человек, а шаги, цифры и его имя в четвёртой строке из семи сложатся за три двора отсюда, на чужой кухне. Ни слова ему не скажут, пока не вернутся с готовым листом. Он услышит только, как в прихожей дважды щёлкнет замок и как бумагу положат на стол.

Коридор прошёл под тапками в семь шагов. У двери кабинета рука не поднялась.

Подпёртое стулом дерево отзывалось на каждое движение в коридоре тихим скрипом — от её веса на половине скрип приходил выше, у самого замка.

Ладонь легла на створку, пониже замка, там, где краска стёрта до дерева. Дерево было теплее краски.

Изнутри не ответили.

Совет без отца

Глава 4. Совет без отца

Пятница началась для неё в половине шестого, с кухни, потому что Ольгин сын уходил в семь и раскладушку надо было сложить до того, как он встанет.

Клеёнка под тряпкой шла легко. В правом углу стола, у самой кромки, держалось пятно от уксуса — третий год держится, и уже не сойдёт.

К пяти в прихожей дважды щёлкнул замок. Ирина вошла первой, со смены, в руке пакет из аптеки, и пакет этот она не поставила, а положила на край стола, бумагой вверх, чистой стороной.

— Мам, мы на кухне посидим.

— Сидите.

— Ты в зал иди. Или к папе.

За створкой кабинета шаркнуло, потом дважды провернулся язычок врезного замка, и в щель у пола вдвинулась тень — дверь подпёрли изнутри табуретом. Снаружи осталось ровное дыхание дерева и больше ничего: ни кресла, ни кашля.

— Пап, выйди к нам, — сказала Ирина в филёнку.

Язычок провернулся обратно и тут же — снова на оборот.

Шкаф в маленькой комнате открылся затем, чтобы занять руки. Стопка наволочек поехала с полки на кровать, и за ней, в самой глубине, у задней стенки, обнаружилось то, чего она там за двадцать лет не видела ни разу: бумажная папка, коричневая, с завязками из тесьмы, корешок протёрт до картонной крошки. Папка стояла углом к фанере, и угол за годы вдавил в фанеру тёмную вмятину — значит, стояла так всегда, под её собственным бельём.

Пальцы вытащили её на свет. Папка легла на колени — тяжелее, чем выглядела.

За фанерой начали.

— Так. — Ирина. — Я свои тридцать девять не отдаю.

— Тебе их никто не предлагал отдавать.

— Оля, ты сядь нормально. Ты вечно на краю сидишь, будто уходишь.

Табуретка проехала по линолеуму. Холодильник за стеной включился и пошёл работать мелко, в такт.

— Я вот как считаю. — Шелест аптечного пакета: Ирина писала на нём. — Лапин в субботу придёт с деньгами и с нотариусом, и мы ему должны выложить один лист, от всех. Пишем три строки. Моя первая. Две комнаты, тридцать девять, на четверых. Пятнадцать лет Катя при мне. Пятнадцать. Внуки у меня родились в этой квартире, оба, прямо тут за стеной, и ни один из них никогда не спал в комнате, где кроме него никого.

— А мой спал?

— Твой спал. В детстве спал, в маленькой, пока ты с Серёжей жила.

— Я с Серёжей жила четыре года в этой же маленькой, Ира. Здесь, за этой фанерой. Своего угла у меня не было никогда — ни метра, ни ордера, ничего. Потом двенадцать лет на кухне раскладушка. И меня ни разу не спросили. Папа с Витей на кухне сидели, решали, кому куда, а мне потом объявляли — вот как сейчас объявляют.

— Ты её сама туда поставила.

— А куда мне было её поставить?

Тесьма на папке была завязана двойным узлом, и верхняя петля затвердела от пыли. Ногти нашли её не сразу.

— Я не про это. — Ирина сбавила голос, и от этого он прошёл через фанеру чище. — Я про то, что когда папа кому давал — он тебе давал. Тебе с Серёжей маленькую отдал. Мне он сказал: ты старшая, ты потерпишь. Я терпела. Я в зале за шифоньером спала, до двадцати двух лет, за шифоньером, и свет гасили, когда папа говорил гасить.

— Это у тебя теперь в счёт идёт.

— Это у меня в счёт идёт.

Что-то железное стукнуло о раковину — ложка, скорее всего, ложка.

Замок третий раз. Бензин с резиновым ковриком пришёл в маленькую комнату раньше, чем шаги.

— Начали без меня?

— Садись, Витя. Я пишу.

Куртка легла не на спинку. По звуку — на угол стола, тяжело, с внутренним бряканьем ключей.

— Пиши. — Стул принял его весом сразу, одним скрипом. — Моя строка третья. Деньгами.

— Два восемьсот.

— Два восемьсот.

— Витя, это двушка на окраине без ремонта. Ты с женой и с Данькой. Ты в двушке будешь?

— Я спрашивал не про то, где я буду.

Папка раскрылась на коленях. Внутри лежали слои бумаг: синий бланк ордера с номером, выведенным от руки, фиолетовым; справка с завода на серой бумаге, восемьдесят девятый год; квитанции, схваченные ржавой скрепкой, и скрепка оставила на верхней квитанции два бурых глазка. Запах из папки шёл свой: сухой, чуть мышиный, с горчинкой старого клея.

— Тогда про что?

— Ир. — Пауза на одну каплю из смесителя. — Я спросил про сумму. Сумму назвали. Всё.

— Он третий раз про сумму.

— Оля.

— Я ничего не говорю. Я говорю: он третий раз про сумму, а про то, где жить, — ни разу.

Стул под Виктором качнулся на двух ножках и встал обратно.

— Я взрослый мужик. Я сам разберусь, где мне жить.

— Так и мы взрослые.

Под квитанциями лежал конверт. Не почтовый — плотный, самодельный, склеенный из сложенного вдвое листа, и по склейке желтел старый канцелярский клей, пошедший пузырями. Сверху, в углу, чернилами: «ж/к, 1989». Буква «ж» была написана поверх другой буквы, стёртой лезвием, и бумага в этом месте истончилась до просвета.

Язык прилип к небу. Небо стало сухой тряпкой, и глотнуть было нечем — только это, только сухость, и больше в комнате ничего не осталось.

Воды на кухне. До кухни — через коридор, мимо проёма, и мимо проёма не бывает.

Папка вернулась под наволочки. Конверт остался в руке, рука ушла в карман халата, и угол оттянул карман вниз, к колену.

В коридоре было семь шагов.

— ...поэтому я и говорю: не надо к нему с тремя бумажками. — Виктор сидел спиной к проёму, лицом в окно, и слова шли свободно, не оглядываясь. — С тремя он нас по одной разберёт. Он тридцать лет людей по одному разбирал, у него это на автомате. Надо одну. И надо, чтоб там его строка уже стояла — четвёртая, готовая, с адресом. Чтоб ему оставалось ручку взять.

— А если не возьмёт?

— Возьмёт. Куда он денется.

Стакан с полки стукнул о полку. Три головы повернулись.

— Мам, тебе чего?

— Воды.

Кран пошёл. Вода шла долго, пока не стала холодной, и всё это время на кухне молчали; в этом молчании спина стояла к ним, в полуметре от стола, и карман тянул вниз, и ткань халата на бедре натянулась косой складкой.

— Нин, Сергеевна. — Так он её не называл никогда, кроме тех случаев, когда хотел, чтобы вышло мягко. — Ты не думай. Мы не против него. Он просто... он сейчас — эта подпёртая дверь. Стоит и всё. Его обойти надо, чтоб дело пошло, а потом он сам успокоится.

— Обойти.

— Ну а как. Он же не вечный, мам.

Это сказала Ирина, и сказала не зло, а устало, тем же голосом, каким в аптеке объясняют про аналог.

Стакан стоял полный. Вода в нём колыхнулась и встала. На поверхности сошлось кольцо и пропало.

Сказать надо было так: ему семьдесят восемь, и он слышит вас сейчас, через четыре миллиметра, как слышал всю жизнь; и я тоже сейчас слышу, и слышала двадцать лет, и у меня в этой квартире нет ни одной двери, которую можно подпереть.

— Чайник свежий, — сказала она.

— Мы видели.

Семь шагов обратно. Стакан пришлось нести двумя рука-

ми, потому что в одной тряслось, и по косточке большого пальца сползла холодная капля.

На кухне заговорили снова, и шли уже цифры.

— Значит, пишу. Первая — Ирина, две комнаты, тридцать девять, кабинет и зал в счёт.

— Так и пиши: кабинет.

— Я и пишу: кабинет.

Ручка шла по аптечному пакету с мелким трением, и это трение доставало до маленькой комнаты, вставало под коренными зубами и держалось там, пока она не разжала челюсть.

— Вторая — Ольга, тридцать два, отдельные.

— Раздельные.

— Третья — Виктор, деньгами, два восемьсот.

— Четыре.

— Что четыре?

— Четвёртая строка. — Стул скрипнул ножкой по линолеуму. — Отец и мать. Пиши туда: комната в твоей, Ир. Девять метров, во двор. У тебя тридцать девять, вы четверо и двое стариков — это шестеро на тридцать девять, впритык, но это ровно то, что сейчас есть. Хуже не будет.

— Витя.

— Что «Витя». Так же живут сейчас. Я не придумываю новое, я переписываю то же самое.

— А я с ними в одной квартире?

— А ты с ними сорок лет в одной квартире.

Молчание на кухне держалось дольше, чем она ждала. Капля из крана упала в кастрюлю, потом вторая, и между ними успело уложиться всё, что там не сказали.

— Пиши пока так, — сказала Ирина. — Потом посмотрим.

Кровать в маленькой комнате стояла углом к окну, и угол качался, если лечь резко: болта нет, вместо болта шуруп. Она опустилась медленно, на край, и угол всё равно дал под ней ход, на палец.

Конверт вышел из кармана халата тёплым, с её собственным теплом на сгибе.

Клей на склейке отошёл сам, без усилия, одним сухим треском по всей длине, и под ним открылась внутренняя сторона листа с казённой сеткой типографских линий. Внутри — одно письмо, сложенное втрое, на тонкой бумаге, почти прозрачной к свету, с машинописным текстом через синюю ленту; буквы «о» пробиты насквозь, и сквозь них просвечивал её халат. Поперёк верхнего поля, его рукой, тем же нажимом, каким он подписывал наряды: «Семье не показывать». Ниже, помельче: «А. Н.» и число — и число было на двадцать лет позже самого письма.

Сверху, крупно: Жилищная комиссия при исполкоме.

Ниже, в третьей строке, её собственная фамилия. И имя. Полностью. И следом, в скобках, три имени детей, с годами рождения, и год рождения Ирины стоял первым.

Фанера в метре двадцати пропустила к ней скрип кресла

— один раз, коротко, оттуда, где он сидел с девяносто третьего.

Бумага пошла мелкой дрожью, и дрожь была не от рук: лист держал её, а дрожал он сам, потому что был тонкий.

Первая строка дочиталась до конца, потом вторая, и на третьей палец остановился и дальше не пошёл.

Ограниченная сумма

Глава 5. Ограниченная сумма

Суббота началась с линолеума: от порога до кухни по нему прошли в уличном четыре раза, и песок хрустел под тапками на каждом шаге.

Письмо она вынула из папки ещё ночью и переложила в наволочку, в ту, что сверху, сложив вчетверо, и наволочку сама вернула на полку, корешком к фанере, на место папки. Папка ушла в глубь шкафа с вечера, уже без него. Весь остаток ночи правый бок держал полку через стену — не полку, конечно, но что-то в двадцати сантиметрах за головой, бумажное, тонкое, с его почерком поперёк верхнего поля.

— Мам, стол освободи.

Хлебница ушла на холодильник. Солонка — в шкафчик. Клеёнка под тряпкой пошла легко, и пятно от уксуса в правом углу осталось, как остаётся третий год.

Лапин пришёл в одиннадцать, без нотариуса.

— Я привёз только расчёт, — сказал он, разуваясь у коробки. — Ни договора, ни авансов пока нет, нотариусу нечего заверять.

Куртка пошла на крюк. Папка легла на стол, и папка была

толще прошлой: в ней шуршало плотно, многослойно.

За створкой кабинета дважды провернулся язычок.

Первой села Ирина, у окна, с аптечным пакетом в руке — на пакете её строки, написанные в пятницу у Ольги, и пакет лёг надписью вниз. Ольга встала у мойки, полотенце на плече. В начале двенадцатого явился Виктор, в куртке, и куртку опять не снял.

— Я начну, — сказал Лапин, и четыре листа сошли из папки на клеёнку веером — медленная раздача, по одной карте в руку. — Девять двести — это весь объект. Дальше вычитается. Переезд шести семей, грузчики, сборка-разборка, это сто двадцать. Пошлины, оформление, выписки — ещё около девяноста. Два месяца, пока у кого-то старое продано, а новое не оформлено, кому-то надо снимать: это ещё сто. Остаётся восемь миллионов восемьсот девяносто тысяч — округлённо восемь девятьсот. Делить надо восемь девятьсот, а не девять двести.

— Триста тысяч вы себе списали, — сказал Виктор.

— Я их списал в расходы, которые будут. Хотите — впишем их отдельной строкой и считайте вместе со мной каждый рубль. Я не против. Я против того, чтобы мы делили сумму, которой нет.

Чайник набрался до второй заклёпки. Газ занялся с третьего щелчка.

— Дальше. — Второй лист пошёл к середине стола. — Восемь девятьсот и шесть переездов. Шесть — это не шесть

квартир, это счёт транспортной конторы: четыре новых адреса плюс два временных, съёмных, на те два месяца, пока у кого-то старое продано, а новое не оформлено. Отсюда сто двадцать. А строк в расчёте пять, по взрослым: дети вписаны в строку родителя, и вы с Алексеем Петровичем стоите двумя строками, но одной квартирой — это четвёртый лист. Я считал не комнаты, а спальные места и сроки. Вот что влезает.

Ирина читала, ведя пальцем. Палец дошёл до третьей строки и остановился на ней дольше, чем на двух первых.

— Тридцать девять.

— Тридцать девять.

— Я просила две комнаты.

— Тридцать девять — это и есть две комнаты. Сумма одна, раскладок две, третьей нет. Первая, вот она на листе: вам тридцать девять в этом районе, Ольге Алексеевне тридцать два отдельные, Виктору Алексеевичу два восемьсот деньгами, четвёртому листу миллион двести. Вторая: вам сорок четыре, но в Северном, за кольцом, двадцать минут автобусом до вашей аптеки, — и эти пять метров я беру не из воздуха, а из её строки, у Ольги Алексеевны становится двадцать восемь и смежные. Виктор Алексеевич и четвёртый лист в обеих раскладках не меняются.

Полотенце съехало с плеча Ольги и повисло на кромке мойки.

— Нет.

— Ир, тебе всегда мало. Тебе сорок четыре, а мне двадцать восемь и смежные. Ты одна хочешь забрать всё.

— Я и говорю: нет. Поэтому я написал тридцать девять и тридцать два.

— Четыре метра, — сказала Ирина. — Четыре метра у неё, пять метров там, — и у меня второй пацан на раскладушке, как у Оли сейчас. Я пятнадцать лет на это смотрю. Я на это больше смотреть не буду.

— Ир.

— Что «Ир».

Пар из носика встал прямо и упёрся в полку.

Снять чайник надо было правой, а правая комкала полотенце; полотенце перешло на ручку, и донышко село на досочку с шипением, и шипение прошло выше — под щёку, к зубам.

— Я вот чего не понимаю. — Виктор придвинул к себе четвёртый лист, короткий, и повернул его к свету. — Это что за строка.

Четвёртый лист лежал поперёк всех разговоров с четверга. На нём стояло одно: двухкомнатная в этом районе, со школой под окнами, для Алексея Петровича и Нины Сергеевны. И ниже, в скобках, цифра.

— Это то, что не влезает, — сказал Лапин. — Миллион двести.

— Миллион двести, — повторил Виктор. — За двоих.

— Да.

— А я деньгами два восемьсот. На троих.

— Да.

Холодильник за спиной дрогнул и пошёл работать мелко.

— Так уберите эту строку, — сказал Виктор. — И у нас миллион двести свободный.

Чашка в руке стояла пустая. Налить в неё было нечего — заварки на дне, чайник только вскипел, и всё равно рука наклонила чайник и полила в пустую чашку кипятком, и кипяток поднялся до края без всякого цвета.

— Витя. — Это сказала Ольга, не отходя от мойки.

— Я считаю. Я не выгоняю никого. Я считаю, что миллион двести — это Иркины четыре метра, и твои четыре метра, и мне на ремонт. Это на всех. А двушка в этом районе — это двоим.

— Им по семьдесят восемь и по семьдесят пять.

— И поэтому им двушка с кухней девять метров?

— А какая им?

— Комната. — Ладонь легла на четвёртый лист, и лист под ладонью сдвинулся на сантиметр. — Комната в Иркиной со-рокачетырёхметровой, в Северном. Девять метров, во двор. Как сейчас. Я же это в пятницу уже говорил, и никто не умер.

Кипяток в чашке стоял ровно.

— Нина Сергеевна. — Лапин повернулся на табуретке целиком, и спинки у табуретки не было, поэтому поворот вышел всем телом. — Вы пьёте кипяток без чая.

Чашка опустилась на стол. Жидкость качнулась, кольцо

сошлось и пропало.

— Я заварку забыла.

— Это ваша комната на четвёртом листе.

— Я слышу.

— Вы слышите с четверга. — Говорил он негромко, в её сторону, не повышая на кухню. — Я у вас в квартире четвёртый раз. При мне про эту комнату сказали восемь раз. Вы про неё не сказали ни слова.

Пальцы собрали с клеёнки три крошки и положили их в блюдце. Фарфор отозвался три раза, с разной высотой.

— Я чай поставила.

Чайник на газу молчал. Под ним горел один из трёх венцов, два других были потушены ещё в четверг.

— Мам, ну правда. — Ирина перевернула свой пакет надписью вверх. — Скажи ты. Тебе где лучше: с нами, в новой, где я, Катя, пацаны, или вам с папой в пустой двушке вдвоём на девятом этаже без лифта?

— Там лифт, — сказал Лапин.

— Это я к примеру.

— Не надо к примеру. Я привёз адреса.

Язычок замка провернулся. Звук прошёл по коридору, по стене, и у Ольги под лопаткой встала и не ушла короткая судорога.

Створка кабинета пошла наружу рывком, со второго толчка, и Алексей встал в проёме кухни, и в проёме он занял его весь: от наличника до наличника, и свет из зала лёг ему на

правое плечо, где рубашка была в серой пыли с полки, вчерашней, нестиранной.

— Какие адреса.

— Три. — Лапин не встал. — Рудневская двенадцать, Рудневская восемнадцать, Горького сорок один. Все три в десяти минутах отсюда.

— Положите их обратно.

— Алексей Петрович...

— Положите обратно, я сказал. — Шагнул он один раз, половица под порогом щёлкнула. — Вы привезли мне три адреса, чтобы я выбирал, какой из них мой. Я не выбираю между адресами. У меня есть адрес. Я по нему живу с восьмьдесят девятого года.

— Девять двести, — сказал Виктор.

— Что ты сказал.

— Я сказал: девять двести. Вся квартира. Это не торг, это цена.

— Цена. — Пальцы Алексея легли на наличник, нашли место, где краска стёрта до дерева, и остались там. Под ногтем набилась белая стружка. — Мою квартиру оценили. Хорошо. Оцените теперь остальное. Тридцать один год я ходил через эти ворота в пять сорок. Я поставил четвёртый цех, в нём триста человек работали. Я эту квартиру не купил и не выпросил, мне её дали.

— Её дали семье, — сказал Лапин в клеёнку, не поднимая глаз. — Это я знаю из ордера, и больше пока ничего. Кто

и как ею распоряжается — это ещё придётся устанавливать, не мне. И вот вы сидите за моим столом шестеро и считаете, сколько она стоит в рублях, при живом хозяине. Никакой суммы нет, Витя. Нет такой суммы. Девять двести, пятнадцать, сорок — нет такой суммы, за которую я выйду отсюда.

Жилка под воротником у Ирины дёрнулась дважды.

— Пап, но мы же...

— Я не договорил.

— Да ты всегда не договорил!

Пакет из-под её руки съехал и пошёл со стола, и на лету надпись повернулась к потолку: четыре строки и две черты под ними, вторая продавлена насквозь. Пакет лёг на линолеум у ноги Лапина, по шву, где линолеум протёрт до войлока. Лапин его поднял и положил на стол, не читая, надписью вниз.

— Это ваш лист, — сказал он Ирине. — И я в него не полез. Я скажу теперь своё, один раз, и мы разойдёмся.

Четыре листа сошлись в один слой под его ладонью. Потом слой выровнялся об стол — три коротких удара кромкой, один за другим. На третьем у Нины сомкнулись зубы.

— Восемь девятьсот. Это граница. Из этой суммы жильё получает каждый — каждый, включая четвёртый лист. Просторного не будет ни у кого. Ирина Алексеевна, тридцати девяти метров вам мало, но сорок четыре есть только за кольцом, и это ваш выбор, не мой. Ольга Алексеевна, тридцать два отдельные — это потолок, при тридцати шести у вас

смежные. Виктор Алексеевич, два восемьсот живыми — это если четвёртый лист остаётся, и два восемьсот это и есть ваша строка, а не «миллион двести свободный». Миллион двести свободным не станет никогда: он либо в двушке на Рудневской, либо в недостающих метрах, которых не хватит всё равно.

— То есть мы за них платим, — сказал Виктор.

— Нет. Вы за них не платите. Вы перестаёте получать то, чего тут никогда не было.

Соседи сверху включили воду, и труба пошла низким ходом вдоль стены, от потолка к плинтусу, и стихла. В тишине стало слышно, как чайник набирает первый шорох, и как под ним по-прежнему горит один венец из трёх.

— И последнее. — Лапин встал, и табуретка под ним скрипнула ножкой. — Я этот дом смотрел восемь раз, у меня по нему восемь квартир. Ждать я готов, но не бесконечно, и это не давление, Алексей Петрович. Вас в этой квартире пятеро взрослых, не считая детей, чьи места в расчёте уже учтены: вы, Нина Сергеевна, Ирина Алексеевна, Ольга Алексеевна, Виктор Алексеевич. Принесёте мне пять строк, по одной на каждого, — я куплю. Если вы будете торговаться друг с другом вот так, как сейчас, без правил, по кругу, — сделки не будет вообще: мне нужна одна цифра, а не пять.

— Значит, не будет, — сказал Алексей.

— Я вас услышал.

— Я не обсуждаю ваши расчёты. Я их не читал и не буду.

— Он снял руку с наличника, и на стёртом месте остались четыре влажных пятна, которые начали сходиться от краёв. — Нина, чай мне в кабинет.

Створка села в раму. Язычок провернулся. По полу с той стороны потащили табурет — короткими рывками, по полметра, с остановками.

— Пять строк, — сказала Ирина в стол.

Лапин обувался у коробки, придерживаясь за неё ладонью; картон подался, внутри что-то сместилось с мягким стуком.

— Пять, — подтвердил он с порога. — По одной на каждого, и в них те цифры, которые тут лежат, а не те, которые вам хочется. Принесёте другие — я их тоже посчитаю, но сумма от этого не вырастет.

Дверь закрылась. Лифт пошёл вниз, тросы загудели в шахте, и гул ушёл в пол, в тапки, в кости стоп.

На кухне остались четверо и четыре листа.

— Ир, дай сюда третий.

— Погоди.

— Я на него второй час смотрю через стол.

— Я сказала: погоди. — Ирина накрыла лист ладонью, как Лапин накрывал свой. — Тут две строки мои, и я их считаю.

— Твои, — сказала Ольга. — У нас тут всё уже твоё.

Виктор молча подвинул к себе четвёртый, короткий, и повернул его надписью к окну, и не сказал ничего, и это было хуже, чем если бы сказал.

Чай она заварила на три минуты, как он любит, и понесла в кабинет на блюде, и блюде держала двумя руками, потому что в одной тряслось. Створка не открылась: чашку он принял в щель, и щель была в ладонь, и в ладонь прошёл воздух с запахом бумажного клея.

— Поставь, — сказал он. — Иди.

Семь шагов обратно по коридору. В маленькой комнате кровать дала углом ход, на палец, когда она села.

Шкаф открылся. Папка стояла в глубине, за наволочками, корешком к фанере, — так её ставят, когда не хотят, чтобы брали. Рука дошла до неё с третьей попытки: сначала до простыней, потом до наволочек, потом за них.

Завязки развязались сами, тесёмка была старая и уже не держала узла. Сверху — домовая книга, квитанции в резинке, вкладыш в паспорт. Под ними, у самого шва, лист сложенный вчетверо, с мягкими сгибами, какие бывают, когда бумагу складывали один раз и больше не трогали.

Лист разошёлся по сгибам без сопротивления, и бумага пропускала свет так, что её собственный халат был виден сквозь пробитые «о».

Жилищная комиссия при исполкоме. Тысяча девятьсот восемьдесят девятый.

Третья строка: «...на семью Алексеева Алексея Петровича в составе шести человек...» И ниже, столбиком, с годами рождения: её имя. Фамилия. Полностью. И трое детей.

Шесть человек. Не один.

Поперёк верхнего поля, его рукой, тем же нажимом, каким он подписывал наряды: «Семье не показывать». И да-та под надписью, его же рукой: две тысячи девятый. На двадцать лет позже самого письма.

За фанерой, в метре двадцати, стукнуло блюдо о стол.

На кухне считали дальше, и там шло «тридцать девять», «тридцать два», «миллион двести».

Бумага в руках пошла мелкой дрожью. Дрожала она сама, потому что была тонкая.

Тридцать пять лет он говорил «моя квартира». В коридоре, при детях, при риэлторе, минуту назад в проёме: «мою квартиру оценили». И никакой суммы нет, за которую он выйдет отсюда, — и все четверо на кухне слушали это как последнее слово, потому что говорить его было некому.

Палец прошёл по строке с её именем, слева направо, до года рождения, и дальше не пошёл.

Лапину нужно пять строк. Пятая — её.

Лист сложился обратно вчетверо, но в карман халата не пошёл: ладонь прижала его к груди, под косынкой, и бумага отдала теплом обратно.

Шесть человек. Второй в столбике — её имя, с годом рождения, до всякой продажи и всякого риэлтора. Что это даёт на бумаге у нотариуса — неизвестно; спрашивать придётся не у него и не на этой кухне. Но слово «моя» на этом листе не стоит нигде.

Два шага до двери кабинета. С той стороны блюдо съе-

хало по столу и встало. Третий шаг не получился: подошва прилипла к линолеуму, к тому же песку от порога, и пятка пошла вбок.

На кухне считали «тридцать девять» и «миллион двести», и в счёте было четыре голоса из пяти.

Лист ушёл в карман халата, глубоко, под платок. Папка встала в шкаф корешком наружу — так её ставят, когда возмут ещё раз.

Пятую строку Лапину принесёт она сама.

Первый скандал

Глава 6. Первый скандал

Лифт стих в шахте, и после этого в квартире остались четыре голоса и один замок.

Чашка на подоконнике кабинета была наполовину полной. Чай в ней остыл до комнатного за двадцать минут, и на поверхности встала плёнка, которая при наклоне чашки шла к краю целым куском.

За фанерой считали.

— Тридцать девять.

— Ир, он тебе сказал: тридцать девять это и есть две комнаты.

— Я читать умею. Я спрашиваю про метры, а не про комнаты. У меня на тридцати девяти четверо. Это по девять с чем-то на человека. У тебя на тридцати двух двое. Это шестнадцать.

— Так посчитай, сколько у меня сейчас.

— Сейчас у всех ноль.

Половица у порога кухни щёлкнула — кто-то встал, кто-то сел.

Табуретка под Алексеем Петровичем была высокая, из ка-

бинета она не выносила никогда. Правая нога затекала на этой табуретке за сорок минут, и сорок минут вышли. Перенести вес на левую получилось в три приёма: сначала ладонь на подоконник, потом стопа вбок, потом бедро. Под коленом пошло мелким током до самой пятки.

Фанера стояла в метре от лица. Она отдавала голоса не громче, а чище — выше по тону, с обрезанными низами, и каждое слово приходило на полвздоха позже, чем вдох говорящего.

— Пацаны у меня на одной кровати, — сказала Ирина. — Старший пинается во сне. Младший от этого просыпается в четыре. В четыре, Оля. Я в семь на смену.

— А мой на раскладушке.

— Твоему двадцать два.

— А моему тогда было восемь.

В чашке плёнка дошла до стенки и прилипла.

— Короче. — Это Виктор. — Вы про метры третий час. Я ещё раз: два восемьсот. Моя строка.

— Мы слышали.

— Нет, вы не слышали. Вы сказали «слышали» и пошли дальше про свои комнаты. А я вам говорю: два восемьсот и срок. Мне надо знать срок.

— Зачем тебе срок?

Пауза вышла длиннее, чем нужно для ответа. В эту паузу холодильник за стенкой включился и пошёл работать мелко.

— Затем.

— Витя.

— Я сказал: затем. Я что, отчёт должен писать?

Табличка под фотографией лежала лицом вверх. Латунь по краям держала блеск, а в углублениях букв стоял серый налёт, и указательный палец вытер первую букву фамилии до жёлтого, и под ногтем остался серый валик.

За фанерой Ирина сказала:

— Ладно. Я предлагаю так. Папина комната в опись как комната идёт, значит, объект дороже, значит, сумма больше. Эти деньги не с неба упали. Они с этих девяти метров.

— И что.

— И то, что девять метров работают на всех нас. Это уже не папин кабинет, Оля. Это общая семейная площадь. Она в общий котёл вошла.

Воздух в кабинете стоял с бумажным клеем и пылью с верхней полки.

Дверь разбухла от сырости и шла туго. Плечо вошло в створку на втором толчке, и створка вышла в коридор рывком, задев коробку с ботинками.

Четверо на кухне обернулись не одновременно: сначала Ольга у мойки, потом Виктор, потом Ирина, и Нина Сергеевна не обернулась совсем — она стояла между холодильником и столом, лицом к окну, и правая рука у неё была прижата к боку, к карману халата, и карман оттопырен углом.

— Общая, — сказал Алексей Петрович.

Проём он занял от наличника до наличника.

— Пап, я не в том смысле.

— В том. — Шаг один. — Ты сказала: общая семейная площадь. Произнесла целиком, не запнулась. Значит, думала раньше, не сейчас. Сколько раньше, Ира? Месяц? Год?

— Ты подслушивал.

— Я сидел у себя. Между нами четыре миллиметра. Я тебе это в среду говорил.

Жилка у Ирины под воротником дёрнулась.

— Тогда и слушай. Да, общая. Ты в неё сел в девяносто третьем и сидишь. Тридцать два года. А я в зале за шифоньером до двадцати двух.

— Я эту фанеру сам ставил. Дрель грелась. Стружка в ботинке.

— Я знаю, пап. Я тебе воду носила, когда ты ставил.

Стакан в руке Ольги опустился на стол, и вода в нём качнулась и встала.

— Хватит обоим.

— Нет, пусть скажет. — Виктор не встал. Куртка на нём была расстёгнута, и ключи в кармане брякнули, когда он откинулся на спинку. — Пап, вот по делу. Ты сказал «не продаю». Понятно. А он в коридоре назвал цену за всю квартиру — восемь девятьсот. Мы её на четыре строки и разложили, пока он лифт ждал. Она никуда не денется от твоего «нет». Так что мы не твою жизнь делим. Мы цифру делим.

— Цифру.

— Цифру, да.

— Моя квартира — это цифра.

— Твоя квартира — это восемь девятьсот, которые он сам сказал. Из них моих два восемьсот. Это моя строка по метрам, я её не с потолка взял.

Линолеум у порога был протёрт до войлока по шву. Пятка нашла этот шов и встала на него.

— Вы сидите за моим столом и считаете наследство при живом. Третий раз за неделю. Бумага у Ирины в пакете, у тебя в кармане ручка, у Ольги глаза на мойке, чтоб не смотреть. Я вам скажу коротко. Ничего не будет. Ни восемь девятьсот, ни два восемьсот. Я не подписываю. Без подписи он не покупает — он сам это сказал в коридоре, при вас.

— Пап, он восемь квартир смотрит.

— Пусть смотрит.

— Он возьмёт другую и уйдёт.

— Пусть берёт.

— И мы останемся где? — Ирина поднялась, и табуретка отъехала у неё из-под колен, стукнула о стенку, качнулась на двух ножках и встала. — Я останусь где? Пятнадцать лет, пап. Пятнадцать. Катя при мне, пацаны при мне, и ни один из них никогда не спал в комнате, где он один. А ты один. Тридцать два года один, за фанерой, с фотографией.

— Это моя фотография.

— Это девять метров под фотографию!

В мойке пошла вода — Ольга нашла кран на ощупь, боком ладони, и закрутила сразу, и в сливе ещё булькнуло два раза.

— Девочки.

Это сказала Нина Сергеевна, от окна, не поворачиваясь. Голос вышел тише, чем нужно.

— Мам, не сейчас.

— Ирина.

— Я говорю: не сейчас. Мы с папой разговариваем.

— Это и моя площадь.

Холодильник дрогнул и пошёл.

— Что?

— Это и моя площадь. — Нина Сергеевна повернулась всем телом, не опираясь ни на что. — Ты сказала: общая семейная. Хорошо. Тогда и моя тоже. Я в этой семье не кастрюля.

Пар от чайника встал прямо и упёрся в полку.

На второй фразе голос у неё поднялся и на третьей держался, и в наступившей после этого щели стало слышно, как у соседей сверху идёт вода в трубе — долгим низким ходом, с перехватом в середине.

— Мам, я про метры.

— Я про то, что вы четвёртый день говорите про комнату, в которой я сплю, и не спросили меня ни разу. Ни ты. Ни ты, Оля. Ни Витя. И отец не спросил.

— Нина.

— И отец не спросил, — сказала она ему в лицо и моргнула дважды, быстро.

В кармане халата при повороте тела повернулся угол,

ткань натянулась, и под ней проступила кромка — ровная, картонная, с потёртым корешком.

Он сделал один шаг к ней — быстрее всех предыдущих.
— Что у тебя там.

Рука её легла на карман сверху, плашмя, и на тыльной стороне встали две жилы.

Пальцы вошли под её ладонь, прошли в карман до самого дна; халат натянулся на бедре косой складкой, и строчка на кармане треснула в двух местах с коротким сухим звуком — сначала одна нитка, потом сразу четыре.

Коричневым углом папка вышла наружу, за ней тесьма, за ней весь корешок, протёртый до картонной крошки, и крошка осыпалась ему на тыльную сторону кисти и осталась там.

— Отдай.

— Это моё.

— Это из моего шкафа. Из-под моих наволочек.

— Это документы на квартиру, Нина. Это не наволочки.

Ольга подошла на два шага и остановилась, вытирая мокрую руку о бедро, и на халате у неё осталось тёмное.

— Пап. Пап, ты что делаешь.

Папка перешла под левую руку, прижатая к рёбрам так, что рёбра её почувствовали углом; правая придержала тесьму, чтобы не развязалась на ходу.

С пустым карманом Нина Сергеевна стояла на том же месте, и правая рука у неё осталась там, где карман был полный, и пальцы на весу согнулись и разогнулись.

— Там моё имя, — сказала она.

На кухне ничего не двинулось.

— Там моё имя, Алексей.

— Там шесть фамилий, — сказал он. — Все одна и та же.

— Нет. Там имена.

Поворот. Четыре шага по коридору, и на третьем папка под рукой пошла вниз, и её пришлось подхватить снизу коленом и ладонью.

— Пап, стой, — сказал Виктор. — Что там за документы? Это ордер, да? Покажи.

— Ничего там нет.

— А чего ты тогда унёс?

Створка кабинета пошла на себя, и плеча на это не хватило: понадобились обе руки, и на эти две секунды папка встала на пол у плинтуса, углом. Угол сел в пыль и вынул из неё светлую лунку.

Створка пошла рывком и ударила в наличник так, что в кабинете дрогнуло стекло в рамке, а на кухне у кого-то брякнула чашка о чашку.

С той стороны тащили табурет — короткими рывками, по полметра, с остановками.

— Мам. — Это Ирина, уже тише. — Мам, что в папке?

— Чайник свежий, — сказала Нина Сергеевна.

— Мама.

— Я сказала: чайник свежий.

Телефон у Виктора пошёл в кармане, он посмотрел на

экран и сбросил не глядя, а потом посмотрел ещё раз, и экран погас сам.

— Лапин, — сказал он. — Сообщение. «Документы проверю, вернусь, когда будет выписка». И всё.

— Когда?

— Тут не написано когда. Написано «вернусь».

Папка лежала на письменном столе, на газете, поверх трёх кругов от стаканов.

Тесьма была завязана двойным узлом, верхняя петля за-твердела от пыли, и ногти нашли её не сразу. Левая петля пошла первой.

Внутри лежали слои. Домовая книга. Квитанции в резинке, резинка рассыпалась под большим пальцем в три куса. Справка с завода на серой бумаге. Синий бланк с номером, выведенным от руки, фиолетовым.

Под синим бланком лежало то, что в домовую книгу не вкладывалось и в квитанции не попадало.

Пальцы прошли по слоям второй раз, сверху вниз, медленнее, отгибая каждый лист за верхний край.

Конверт был самодельный, склеенный из сложенного вдвое листа, и по склейке желтел старый канцелярский клей. Третьим снизу, «ж/к, 1989» в углу, «ж» поверх стёртой лезвием буквы.

Склейка была вскрыта — тем же ножом для бумаги и тем же движением, каким она вскрывалась в первый раз, в год, когда конверт лёг под наволочки. Не надорвана: отошла це-

ликом, сухим ровным следом по всей длине, и кромка внутренней стороны загнулась наружу, как загибалась уже дважды.

Из конверта вышел лист, сложенный вчетверо. На сгибах бумага пожелтела полосами, и одна полоса треснула до середины.

С него шло на пальцы тем же запахом, что и из папки, — сухим, с горчинкой клея.

За фанерой ставили чашки на стол. Три чашки, потом четвёртая. Потом открылся кран.

Стул подался назад на половину оборота колёсика, и колёсико не катилось, оно скрипело.

В этой же комнате, при этой же лампе, рука писала поперёк верхнего поля: «Семье не показывать». Нажим был тот же, каким подписывались наряды, — кончик продавливал бумагу до стола.

Ладонь легла на сложенный лист и прижала его к газете.

Через четыре миллиметра фанеры прошёл звук: табуретка у холодильника, одна, принимающая вес.

Лист поднялся к лампе и развернулся на две четверти. Бумага пропускала жёлтое, неровно, с тёмной полосой по сгибу, и поперёк верхнего поля стояли четыре знакомых слова, продавленные до обратной стороны.

Большой палец отогнул третью четверть. Потом четвёртую.

Строчки пошли под лампой узкие, с наклоном вправо, и

первая строка читалась с третьего раза, потому что глаз сам уходил вниз, к дате и к фамилии в конце. Пришлось вернуться к началу и прочесть всё по порядку, от первого слова, как читаются наряды: пальцем по строке, строка за строкой, до самого низа листа.

Прочитано было дважды.

Потом — на ноги, без опоры на стол, три шага в сторону шкафа с бельём, которого в этой комнате не было. Остановка на полпути: шкаф стоял в маленькой комнате, за фанерой, под её рукой.

Ладонь легла на фанеру — на уровне плеча, там, где обои вытерты до картона.

С той стороны не ответили.

Две комнаты

Глава 7. Две комнаты

Стук пришёл не костяшками, а всей ладонью, плашмя, дважды.

— Пап. Это я. Открой.

Дверь была подпёрта стулом с вечера, и стул стоял спинкой в филёнку, задними ножками в шов линолеума. Чтобы его убрать, надо встать, обойти стол и нагнуться; на нагибании правая нога ответила до пятки.

Письмо лежало на газете, раскрытое наполовину, и раскрытым оно пролежало всю ночь.

Лист сложился вчетверо и ушёл под домовую книгу.

— Открыто, — сказал он, хотя открыто не было.

Стул отошёл. Створка пошла туго, разбухшая, и вошла Ирина — с пакетом из аптеки в руке, в кофте с незастёгнутым верхним краем, и от неё пахло ментолом и бумагой.

Девять метров приняли её так, как принимают любого: столom в бедро.

— Я на минуту.

— Садись.

— Тут куда.

Табуретка была одна, высокая, и на ней сидел он. Ирина осталась стоять между столом и шкафом, и в этом промежутке её плечи заняли всё, и локоть у неё лёг на кромку полки, и с полки посыпалось серое.

— Я без крика, — сказала она. — Я с утра в аптеке, у меня до четырёх, я заехала в перерыв. Я хочу один раз сказать прямо и уйти.

— Говори.

Пакет пошёл на стол, на газету, надписью вниз. Угол его накрыл домовую книгу.

— Мне нужен этот кабинет. И зал.

Лампа над столом висела на коротком шнуре, и свет от неё падал ей на подбородок снизу, выбеливая кожу под глазами до серого.

— Это две комнаты, — сказал он.

— Две. Я это и прошу, и прошу не у Лапина. У тебя.

На подоконнике чашка стояла с ночи, и плёнка на чае схватилась и потрескалась по кругу.

— Ты меня послушай, не перебивая. Четыре минуты. Я считала по дороге.

Пальцы у неё были с коротко стриженными ногтями, и на подушечке указательного держался желтоватый след от кассовой ленты.

— Я встаю в шесть. В шесть ноль пять я снимаю с кровати младшего, потому что иначе я не достану до шкафа, а в шкафу моя форма. Кроватка на колёсиках, одно колёсико не

крутится, оно едет боком и визжит. Он от этого просыпается. Он просыпается в шесть ноль пять каждый день пятнадцать лет, пап, то есть не он, он четыре года, но до него Катя, а до Кати я сама у шифоньера.

— Ира.

— Три минуты. — Ладонь легла на стол, и пальцы разошлись веером, вдавившись подушечками в газету. — Катя на диване со старшим. Старший пинается. Она от этого встаёт в четыре и стоит на кухне, и там раскладушка Сашкина, и она стоит в проходе, у батареи, потому что сесть негде. Я ей говорю: ложись ко мне. Я сплю на кресле-кровати. Оно раскладывается в метр шесть. Я метр шестьдесят восемь.

В углу у шкафа отставали обои, и за отошедшим краем темнел картон.

— Я не прошу подарка. Я прошу вернуть.

— Что вернуть.

— Моё.

Стул, который подпирал дверь, стоял теперь посреди комнаты, и Ирина обошла его, чтобы оказаться к отцу лицом, а не в профиль.

— Мне было пятнадцать, когда мы сюда вошли. Мне сказали: ты старшая. Я спала в зале, за шифоньером, и шифоньер мне ставили так, чтобы с дивана не было видно света из коридора. Оля получила маленькую. Витя получил маленькую после Оли. А ты получил эту. И никто не спросил.

— Я эту выгородил сам.

— Ты её выгордил из зала, в котором я спала.

Это вошло в кабинет сквозняком: воздух из коридора прошёл по голени, и голень отозвалась.

— Я тебе воду носил... — начал он и остановился, потому что эту фразу он уже произносил на кухне в субботу, и она ему тогда ответила.

— Я тебе носила. Я.

— Ты.

— Вот. — Пакет развернулся под её рукой, и на бумаге проступили строки, обведённые дважды. — Я не отбираю твою старость. Я забираю свои пятнадцать лет и ещё пятнадцать Катиных. Это тридцать. Тридцать лет, пап, в одном счёте. И я знаю, как это кончится, если я сейчас промолчу: вас с мамой посчитают, Олю посчитают, Витю посчитают, а мне дадут то, что останется после всех, — двадцать с кухней шесть и проходную, и подпишут без меня, пока я в смене до четырёх. Меня один раз уже так посчитали. Мне было пятнадцать. У вас с мамой девять метров и ещё маленькая. У вас двое на две комнаты. У меня четверо на одну.

— И поэтому мне двоим в одной.

— Да.

Сказано это было без паузы, и после этого в комнате слышно стало, как в трубе за фанерой пошла вода у соседей и как у Ирины в кармане кофты щёлкнул и погас телефон.

— Я тебе отвечу. — Табуретка под ним скрипнула, когда вес пошёл на левое бедро. — Ты в двадцать два вышла за-

муж и ушла. И вернулась в двадцать шесть, с Катей, и я тебя пустил. Я не спрашивал, почему. Потом Катя родила, и я пустил Катю. Потом она родила второго, и я пустил второго. Четыре раза я открывал эту дверь. Я никого не выставил.

— Ты меня пустил в зал. За шифоньер. Обратно.

— Я тебя пустил в квартиру.

— Это одно и то же место, пап. Это один и тот же метр.

Пыль с полки, которую сбил её локоть, лежала на газете светлой дорожкой, и указательный палец её развёз.

— Ты сейчас требуешь, чтобы я в семьдесят восемь оплатил твои четыре возвращения. — Голос пошёл ниже, не громче, и в нижнем регистре в нём стало слышно хрип, который обычно прячется под обычной речью. — Я не обязан. Я не выбирал тебе мужа, не выбирал Кате мужа, не выбирал, когда рожать. Это были ваши решения, и они каждое раз приводили сюда, в эти метры, и каждый раз я молчал и подвигался. Я подвинулся четыре раза. Пятый раз мне уже некуда. Мне некуда, Ира. За мной фанера.

— А за мной что?

— За тобой тридцать девять метров, которые тебе Лапин написал.

— Там кухня шесть.

— У тебя сейчас кухня шесть.

— Сейчас у меня ноль!

Полный голос в девяти метрах не поместился. Правое ухо заложило, под ключицей толкнуло изнутри. Звук про-

шёл фанеру насквозь, и в зале сразу тронулось: пружина под чьим-то весом отпустила, диван доиграл её одной долгой нотой.

Ольга встала в проёме. Полотенце на плече, руки красные до середины предплечья, с мокрым блеском, и с мизинца в пол набиралась капля.

— Так. — Порог она не перешла, одна нога осталась за ним. — Я всё слышала.

— Иди отсюда.

— Нет уж, Ира. Ты сюда одна пришла, в перерыв, когда я на работе должна была быть, — а я отгул взяла. Удачно, да?

— Я пришла к отцу.

— Ты пришла, пока меня нет.

Ладонь легла на пакет сверху — тем самым движением, которым Лапин накрывал свой лист.

— Я пришла сказать то, что говорила при всех.

— При всех ты говорила «две комнаты». Здесь ты говоришь «кабинет и зал». Это другое, Ира. Это весь второй этаж, если бы он у нас был.

— Это тридцать девять метров, которые мне уже посчитали.

— Тебе посчитали тридцать девять, а с кладовкой и сорок четыре выходило. А ты теперь просишь сверху ещё и тут. Чтобы и в новой тридцать девять, и тут кабинет под Катю, пока оформляют. Я угадала?

Под воротником у Ирины дважды дёрнулась жилка.

— Угадала, — сказала Ольга. — Я по лицу вижу. Ты тридцать лет этим лицом у нас в семье просишь.

— Девочки.

Со стороны кухни пришла Нина Сергеевна, и пришла с чайником, потому что руки у неё не умели приходить пустыми.

— Я чай поставила.

— Мам, не сейчас.

— Ольга.

— Я сказала: не сейчас. — И сразу, сестре, поверх материнского: — Я в столовой с шести. Я котлы таскаю. Моему двадцать два, он на раскладушке, и он на ней с десяти лет, и он на ней женится, если так дальше пойдёт. Мне дали тридцать два. Раздельные. Ты знаешь, что Лапин сказал? Если тебе сорок четыре — у меня двадцать восемь и смежные. Из моих метров твои пять.

— Я от сорока четырёх отказалась.

— Ты не отказалась. Ты их не взяла, потому что за кольцом. Ты сюда пришла взять те же пять метров с другой стороны.

Чайник встал на самый край газеты. Донушко легло на лист, и под ним пошёл ободок — бумага потемнела и обвисла.

— Я помогала, — сказала Ирина. — Я. Кто маму в двадцать первом в больницу возил? Кто отцу давление мерил каждое утро два года, когда он после второго инфаркта? Кто

из аптеки таскал всё, чего в поликлинике нет?

— Ты.

— Вот.

— Ты, Ира. И ты это сейчас в счёт поставила. Вслух. При них.

Рот у Ирины открылся и ответа не нашёл, и в эту секунду у соседей вода в трубе дошла до плинтуса и стихла.

— Я не ставила.

— Поставила. Я слышала.

— Девочки, у меня чай...

— Мам!

Это сказали обе, одновременно, обе — не глядя на неё, обе — в сторону друг друга.

Руки у Нины Сергеевны стали пустые. Правая нашла левую и сомкнулась на кисти, выше косточки, и держала.

Спор вышел в коридор сам, без шагов: сначала голоса, потом Ольга отступила к вешалке, потом за ней двинулась Ирина, и чьё-то бедро задело коробку «зимнее», и коробка пошла по мокрому углом и встала. Фразы легли поверх друг друга, в два слоя, и в этих двух слоях ни одной паузы не оставалось — ни для матери, ни для кого.

— ...двенадцать лет на кухне...

— ...а я за шифоньером, и света нельзя...

— Девочки, — сказала Нина Сергеевна из проёма кабинета, и этого никто не услышал, потому что в коридоре были два голоса и ни одной тишины между ними.

Пакет из аптеки остался на столе, надписью вверх, и с табуретки надпись читалась целиком: четыре строки, первая обведена дважды, а под ней — «каб. + зал, временно, до оформл.».

Створка пошла на себя. Плеча на это снова не хватило, потребовались обе руки, и за эти две секунды в щель прошли ещё две фразы, обе с цифрами.

Язычок провернулся.

Со стороны коридора крикнули ещё раз, уже без слов, и крик ушёл на лестничную площадку: там открыли входную, и там заплакало железо петли.

На газете стояли круги от стакана, три, один поверх другого. Под чайником обод уже подсох. Пакет Ирины сдвинулся на ладонь, и из-под него вышел край домовой книги, а из-под книги — сложенный вчетверо лист.

Бумага раскрылась по сгибам сама, без усилия: эти сгибы она знала.

Жилищная комиссия при исполкоме. Восемьдесят девятый.

Третья строка под пальцем шла слева направо до скобки, и в скобке стояли три имени с годами рождения, и первым стоял год Ирины. Ей было пятнадцать. Пятнадцать лет, и она вписана в этот лист как получатель, как пятая часть той площади, в которую её потом поставили за шифоньер.

Поперёк верхнего поля — собственный нажим, продавленный до обратной стороны, четыре слова. И дата снизу:

две тысячи девятый.

Третья строка прочиталась в третий раз и в третий раз не изменилась.

Палец сошёл со скобки и вернулся к началу строки. Пятёро. Пятёро, на которых эту площадь выделяли, — и первой в строке та, которую тридцать лет ставили за шифоньер и четыре раза выпускали обратно в коридор.

В коридоре хлопнула входная, и петля дотянула свою ноту до конца.

Лист лёг в середину стола, на чистое место между кругами, и ничем сверху не накрылся.

Потом со стола сдвинулся аптечный пакет Ирины и встал рядом, надписью вверх.

Два листа легли параллельно, кромка к кромке — наряды перед подписью.

За фанерой вернулась от двери Нина Сергеевна и остановилась в метре двадцати, и половица под ней не скрипнула: ступня сразу нашла сухое место у стены.

— Нина.

— Я тут.

— Завтра позови их. Всех. — Ладонь легла на старую бумагу и не прижала её, только накрыла. — И Лапина позови. С той стороны ответили не сразу.

— Хорошо.

Ладонь поднялась. Лист остался лежать лицом вверх, и свет от лампы прошёл сквозь пробитые машинкой «о».

Деньги Виктора

Глава 8. Деньги Виктора

Лампочка на площадке между третьим и четвёртым горела через проволочную сетку, и сетка клала на стену ромбы.

Ольга стояла на верхней ступеньке, спиной к перилам, и в руке у неё был пакет с хлебом. Хлеб через целлофан отдавал тепло в ладонь.

Со второго поднимался Виктор, в куртке, с телефоном у бедра, и телефон светил ему в штанину синим.

— Стой.

— Что.

— Стой, я говорю. — Пакет перешёл в левую. — Ты откуда знаешь, что он привёз три адреса?

— Мне Ирка сказала.

— Ирка узнала в субботу. А ты в пятницу у меня на кухне сказал: «Рудневская». Я помню, Витя. Ты сказал «Рудневская», и я тогда не поняла, а теперь поняла.

Телефон погас сам. В темноте на площадке стало слышно, как у кого-то за дверью идёт телевизор, и слышно было только нижние частоты, без слов.

— И что.

— И то, что ты с ним уже говорил. Отдельно. До всех.

Ботинок стал на верхнюю ступеньку не весь, половиной подошвы, и песок под рантом хрустнул.

— Я ему звонил. Один раз. Спросил, сколько живыми и когда. Это теперь преступление?

— Ты спросил «когда».

— Да, когда! Мне срок нужен был!

Голос ушёл вверх, в шахту лестницы, и оттуда вернулся в два слоя, и на четвёртом у кого-то щёлкнул замок и не открылся.

— Тише ты.

— Сама начала.

Хлеб в пакете осел, и целлофан внутри хрустнул от того, что ладонь сжалась.

— Зачем тебе срок, Витя.

На этот вопрос не ответили ни в среду на кухне, ни в субботу при всех, и каждый раз вместо ответа выходили те же четыре слова: «мне надо знать срок».

Снизу по лестнице пошли шаги — ровные, через ступеньку, с коротким трением подошвы на повороте. Лапин остановился на третьей снизу, с кепкой в руке.

— Добрый вечер.

Оба замолчали сразу, как замолкают на кухне, когда входит мать.

— Я к Алексею Петровичу. Не в кабинет, — сказал он. — На кухню, если пустят.

— Сергей Юрьевич. — Ольга переложила хлеб обратно в правую. — Скажите мне одну вещь. Он вам звонил?

Кепка дошла до перил и легла на них козырьком вниз.

— Звонил.

— Один раз?

— Четыре.

Воздух в подъезде был с цементом и сыростью с четвёртого этажа.

— Я отвечаю на звонки всех, кто есть в этом расчёте, — сказал Лапин. — Мне Ирина Алексеевна звонила трижды, вам я сам звонил в среду насчёт раздельных. Это не сговор. Я спрашивал: сумму и сроки я называю при всех, и я их называл при всех — восемь девятьсот и два восемьсот. Ничего другого Виктору Алексеевичу я не сказал ни по телефону, ни здесь.

— А про Рудневскую?

— Про Рудневскую я сказал в субботу, на кухне, при шести людях.

— Он сказал в пятницу.

Пальцы Лапина сошлись на перилах, и перила отдали холодом.

— Тогда это он откуда-то узнал сам, не от меня.

— Я в интернете посмотрел! — Куртка на Викторе пошла звуком — брезент о брезент, и ключи в кармане стукнули трижды. — Я водитель, я весь город знаю! Там дом сдали в прошлом году, он один такой у нас в десяти минутах. Что я,

посчитать не могу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.